

УДК 81-11

**АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА:
 ЧТО БЫЛО? ЧТО БУДЕТ?
 В.И. Теркулов (Горловка, Украина)**

В.И. Теркулов. Антропоцентрическая парадигма: Что было? Что будет? В рассматриваемой статье автор дает свою трактовку смены парадигм научного поиска в лингвистике. Он предполагает, что в основе выделения парадигм должно лежать представление о тождестве соотношения в них объекта исследования и средств его изучения. На основании этого тезиса ученый констатирует существование в истории лингвистики двух парадигм – глоттоцентрической и антропоцентрической, а также прогнозирует возникновение новой парадигмы – глоттоантропоцентрической.

Ключевые слова: антропоцентризм, глоттоцентризм, метод, направление, парадигма.

В.І. Теркулов. Антропоцентрична парадигма: Що було? Що буде? У розглянутій статті автор дає своє трактування зміни парадигм наукового пошуку в лінгвістиці. Він передбачає, що в основі виділення парадигм повинне лежати уявлення про тотожність співвідношення в них об'єкта дослідження й засобів його вивчення. На підставі цієї тези вчений констатує існування в історії лінгвістики двох парадигм – глоттоцентричної і антропоцентричної, а також прогнозує виникнення нової парадигми - глоттоантропоцентричної.

Ключові слова: антропоцентризм, глоттоцентризм, метод, напрямок, парадигма.

V.I. Terkulov. Anthropocentric paradigm: What's its Past? What's its Future? In this article the author offers his own interpretation of the change of research paradigms in linguistics. He assumes that establishing paradigms is based on conception of identity relations between the research object and the means of its study. On the basis of this thesis the scholar claims the existence of two paradigms in the history of linguistics – glottocentric and anthropocentric, and predicts the appearance of a forthcoming glottoanthropocentric paradigm.

Key words: anthropocentrism, glottocentrism, method, school, paradigm.

1. Постановка проблемы. Понятие научной парадигмы – еще одно темное и с трудом поддающееся определению теоретическое построение современной гносеологии. Используя терминологическую систему В.И. Карасика, его можно определить как **эпином** – концепт «с редуцированным предметным и гипертрофированным эмоционально-

оценочным содержанием» [Карасик 2010: 43]. Например, выделение современной когнитивной лингвистикой антропоцентрической парадигмы, к которой она сама себя же и причисляет, – вполне объяснимый на эмоционально-оценочном уровне факт: нам необходимо обнаружить главное наше отличие, например, от структурализма, вот мы и констатируем, что это отличие есть. Причем отличие должно быть очень важным. По нашему мнению, оно заключается в том, что в сфере нашего исследования попадает не только и не столько язык, сколько человек – носитель языка. Правда, почему-то закрываются глаза на то, что человек не забывался языковедением и в те эпохи развития науки, когда о когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и т.д. никто даже не помышлял. Например, вряд ли можно оспорить то, что антропологический подход к языку составляет основу теорий В. фон Гумбольдта, Х. Штейнталя, В. Вундта, Э. Гуссерля, Л. Вайсгербера, А.А. Потебни, Г.Г. Шпета, П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева и многих других.

Я называю понятия типа «научная парадигма» интерпретационными концептами, формирующими сущности не онтологического, а лингвального мира, в нашем случае – лингвального мира, созданного метаязыком лингвистики. Такие концепты тесно привязаны не к реальности, а к номинатамам, обозначающим их, и поэтому всяческие дискуссии, имеющие целью установление истины, на самом деле представляют собой только поиск непротиворечивого, всеобъемлющего и простого определения **слова**, поиск нужной для развития науки **конвенции**. Я ни в коем случае не возражаю против того, что определенные этапы развития той или иной науки могут быть объединены в нашем сознании под одним названием. Я только утверждаю, это объединение подчиняется чаще всего нашим желаниям, надеждам и потребностям. Единственное, чего хотелось бы добиться в этом случае – это хотя бы внутренней логичности классификации. Без этой внутренней логики любая классификация становится малоэффективной, что, кстати, и подтверждают существующие концепции смены научных парадигм, представленные в работах моих коллег.

2. Цель и задачи статьи. Целью статьи является поиск внутренне непротиворечивой и логичной системы парадигм лингвистики. Для достижения этой цели необходимо установить параметры понятия «парадигма», рассмотреть достоинства и недостатки существующих сейчас концепций смены парадигм, определить путь преодоления представленных в них противоречий, предположить на основе логики найденной модели смены парадигм возможный путь развития нашей науки в будущем.

3. Актуальность исследования. Определение реальной, а не желаемой модели смены парадигм, на мой взгляд, даст возможность, во-первых, установить место современных «антропоцентрических лингвистик» в истории языкознания, а во-вторых, предположить пути дальнейшего развития нашей

науки. К сожалению, предлагаемые сейчас модели смены научных парадигм далеки от совершенства и мало что дают для научной телеологии.

4. История вопроса и новая модель смены парадигм. Понятие научной парадигмы было введено в философию науки в начале 60-х годов XX столетия американским историком науки Т. Куном. Следует сказать, что это необходимое, в сущности, историко-научное построение не получило четкого определения. Парадигмой, исходя из параметров, приведенных ученым, можно назвать и научную школу, и научное направление, и научный метод и т.д. Главное, чтобы они отвечали двум требованиям: «Их создание было в достаточной мере беспрецедентным, чтобы привлечь на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований. В то же время они были достаточно открытыми, чтобы новые поколения ученых могли в их рамках найти для себя нерешенные проблемы любого вида» [Кун 2003: 30].

Еще больше размывает границы парадигмы дефиниция В.А. Масловой, утверждающей, что научная парадигма – «это совокупность научных представлений, теоретических установок, научных достижений, которые дают ученому модель постановки проблем» [Маслова 2008: 7]. Именно поэтому то или иное явление в этом случае получает статус «парадигмы» только потому, что о нем «часто говорят». Иногда при этом происходит вынужденная подтасовка фактов: мы называем парадигмой не то, что есть, а то, что хочется, чтоб было ею. Именно это происходит сейчас в лингвистической историографии когнитивного толка, и именно поэтому количество предлагаемых «научных парадигм лингвистики» меняется от исследователя к исследователю. При этом никто не беспокоится хотя бы о том, чтобы у этих парадигм было: а) общее основание для выделения, б) убедительные доказательства их исключительности на данном этапе развития лингвистики.

Ю.Н. Караулов считает, например, что в истории языкознания было четыре парадигмы. Первая – *историческая*, предполагавшая, что «язык – постоянно изменяющийся объект и изучаться он должен в историческом движении, в развитии» и что «знать язык – значит прежде всего знать его историю» [Караулов 2010: 12]. Как видим, в основе выделения этой парадигмы лежит параметр «направление исследования языка». Ее предметом могут быть различные языковые сущности (звуки, значения, грамматические категории и т.д.), но изучаются они только с точки зрения их истории, становления и развития. Вторая парадигма, пришедшая на смену исторической, по Ю.Н. Караулову, *психологическая*. Она делает объектом своего исследования живой актуальный язык, выдвигая на первый план такие его черты, как «творческий характер, эстетическую функцию, психологические основы владения языком» [Караулов 2010: 13] и т.д. В этом случае доминантным для выделения парадигмы является уже не направление исследования (в этом случае мы должны были бы говорить не о психологическом, а о синхронном исследовании языка, поскольку именно оно противостоит историческим

изысканиям), а «идеологический» статус, вернее, констатация «антропологических причин» языковой деятельности, которые становятся фактором абсолютизации языка (речи) индивида как единственной языковой реальности. Уже здесь мы отмечаем различие причин выделения парадигм (направление исследования – аспект исследования), что еще более выпукло предстает перед нами при рассмотрении третьей парадигмы – системно-структурной. В основе выделения последней лежит уже метод исследования, основанный на особой трактовке **объекта** науки – языка, изучаемого в самом себе и для себя [Караулов 2010: 14]. Четвертая парадигма – социальная – привязывает язык к некоторым общественно-социальным событиям и явлениям, трактует его как социальную сущность, что сближает данную парадигму с психологической, различая их только по констатируемому типу базового носителя языка – «индивид» / «социум».

В сущности, у Ю.Н. Караулова реально противопоставляются на базе единого основания классификации, с одной стороны, историческая и структурная «парадигмы» (основание темпоральность объекта исследования: историческая перспектива – актуальный срез языка), а с другой, – психологическая и социальная «парадигмы» (социально-психологический статус носителя языка: индивид – социум). Это не одна, а две классификации парадигм, имеющих разные основания для выделения. Единственным более или менее приемлемым основанием, связывающим указанные «парадигмы», может быть не столько идеологический, сколько хронологический принцип – то, что указанные направления сменяли друг друга в истории языкознания. Вполне возможно, что это правда. Но сам же Ю.Н. Караулов констатирует: "Употребляя слова "последующий" и "предыдущий" я не придаю им абсолютного, логически строгого смысла, поскольку речь идет о смене друг другом периодов с довольно нечеткими, размытыми границами, периодов, характеризующихся только превалированием какой-либо одной идеи, которая приобретает тем самым статус парадигмальной, парадигмообразующей. То есть и хронологические границы соответствующих периодов и соответствующих им парадигм, и их последовательность в значительной мере условна» [Караулов 2010: 15]. Эта размытость границ, как мне кажется, может существовать либо а) на границе парадигм, либо б) на границе школ и направлений, существующих в пределах одной парадигмы. Поэтому мне и кажется, что у Ю.Н. Караулова представлены не парадигмы, а главенствующие в тот или иной период развития нашей науки школы, направления, методы, которые входят в пределы научных объединений более высокого порядка. Размытость границ между ними должна компенсироваться четкостью обобщающих границ парадигмы.

Помимо системы, предложенной Ю.Н. Карауловым, отмечаются и иные концепции смены парадигм. Например, Е.С. Кубрякова говорит о четырех парадигмах: «традиционной, генеративной, когнитивной и коммуникативной. Каждая из них сочетает – хотя и в разных соотношениях – элементы

формального описания с функциональными объяснениями... Но каждая из них представляет особую модель описания языка и решения главных проблем в его организации и функционировании» [Кубрякова 1995: 190]. Кроме того, можно вспомнить и работы В.И. Постоваловой, выделяющей имманентно-семиологическую, антропологическую, теоантропокосмическую (трансцендентальную) парадигмы [Постовалова 1999], А.А. Ворожбитовой обнаруживающей лингвориторическую парадигму, В.В. Шаховского – эмотивную и т. д. (см. обзор концепций в [Маслова 2008: 5–19]).

Соглашусь с В.А. Масловой, утверждающей, что «функциональный, коммуникативный, когнитивный, текстоцентрический и прочие подходы к языку так и не оформились в парадигмы, ибо для парадигмы нужно, во-первых, чтобы она была общей для всякого гуманитарного знания (например, структурализм, который первоначально возник в биологии, а затем распространился на историю, лингвистику, литературоведение и др. гуманитарные и естественные науки, например, физику). А во-вторых, парадигма – это совокупность научных установок, которые дают ученому модель постановки проблемы и некоторый набор их решений в совокупности с процедурами исследования. Ни одно из названных направлений не отвечает этим требованиям, хотя по первому параметру на звание парадигмы мог бы претендовать функциональный подход, ибо он является общим для целого ряда гуманитарных наук» [Маслова 2008: 6-7]. Не соглашусь только с предложенной ею системой парадигм. Напомню, что Валентина Авраамовна уже достаточно давно говорит о том, что она склонна «видеть лишь три научные парадигмы – сравнительно-историческую, системно-структурную и, наконец, антропоцентрическую» [Маслова 2008: 7]. Признаю только то, что сравнительно-историческое языкознание и структурализм действительно были наиболее значимыми **направлениями** в развитии языкознания XIX – XX веков, что особенностью наиболее популярного направления в современном языкознании – лингвокогнитологии является интерес к человеку как носителю языка, но... Вряд ли можно считать парадигмой всякое значительное научное **направление**. Более того, напомню, что антропоцентрическая парадигма представляет собой **объединение** не только разных направлений, но и разных отраслей науки. Сама же В.А. Маслова отмечает, что антропоцентрическая парадигма представляет собой совокупность ряда направлений. Она пишет о том, что в ее пределах «сформировалось несколько когнитивно ориентированных направлений в лингвистике, к которым можно отнести, кроме собственно когнитивной лингвистики, психолингвистику, этнолингвистику, лингвокультурологию и прагмалингвистику» [Маслова 2008: 12]. Следует напомнить, что ни сравнительно-историческое языкознание, ни структурализм не представляли собой систему направлений подобного типа. В них можно было выделить либо школы, например, женевский структурализм, американский дескриптивизм, датскую глоссематику и т.д. для структурализма, либо уровни языковой

системы, ставшие объектами исследования, например, структурную фонетику, структурную семантику и т.д. Уже это косвенно указывает нам на то, что перед нами явления разного порядка, не имеющие общего основания для сопоставления.

На мой взгляд, эта «разнопорядковость» обусловлена различием статусов сравнительного языкознания, структурализма и антропоцентризма.

Сравнительно-историческое языкознание – это «область языкознания, объектом которой являются родственные, т.е. генетически связанные языки. Конкретно в сравнительно-историческом языкознании речь идет об установлении соотношений между родственными языками и описании их эволюции во времени и пространстве» [ЛЭС 1990: 486]. Другими словами, сравнительно-историческое языкознание настроена на **метод** (сравнительно-исторический), обусловленный **целью** (установление отношений между языками и восстановление их эволюции) однотипных исследований.

Структурализм представляет собой «совокупность воззрений на язык и методов его исследования, в основе которых лежит понимание языка как знаковой системы <...> с четко выделяемыми структурными элементами (единицами языка, их классами и пр.) и стремление к строгому (приближающемуся к точным наукам) описанию языка» [ЛЭС 1990: 496]. Иначе говоря, перед нами объединение ученых вокруг определенной **«трактовки языка»**, которая обусловила использование определенных (в первую очередь – формальных) **методов** его исследования.

Антропоцентрическая же парадигма «характеризуется переключением интересов исследователя с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке. Взамен требования изучать систему и структуру языка выдвигается новое – изучать языковую способность, знания о мире, зафиксированные в языке, языковую компетенцию носителя языка» [Маслова 2008: 10]. Следовательно, выделение антропоцентрической парадигмы имеет в своей основе констатацию нового **объекта** исследования в языкознании – человека.

Как видим, приведенные выше компоненты классификации В.А. Масловой представляют собой идеологически несопоставимые научные построения. Невозможно считать единицами одного порядка системы теорий, выделяемых на основе в одном случае общности целей и методов исследования, в другом – особой трактовки языка и продуцируемых данной трактовкой методов исследования, а в третьем – только объекта и направления исследования. Эти явления, если и могут рассматриваться в одной классификации, то только на разных ее уровнях.

Единственным положительным фактором здесь является выделение антропоцентрической парадигмы. Она констатирует, что ее объектом является не язык, а человек, носитель этого языка. В исследованиях представителей данной научной парадигмы язык воспринимается не столько как предмет изучения, сколько как средство изучения чего-то находящегося за его

пределами – концептов, культуры, общества, человека вообще. Например, ядро современного антропоцентрического подхода – когнитивная лингвистика – ставит своей задачей «исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере» (выделено мной. – В.Т.) [Попова 2006: 7]. Как пишет В.А. Маслова, «когнитивная лингвистика, вкупе с когнитивной психологией и когнитивной социологией, образующие когнитологию, пытаются ответить на вопрос о том, как в принципе организовано сознание человека, как человек познает мир, какие сведения о мире становятся знанием, как создаются ментальные пространства» [Маслова 2004: 8]. Еще более четко высказывается Е.С. Кубрякова, утверждающая, что в антропоцентрической парадигме «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [Кубрякова 1995, с. 212]. Как видим, места для исследования самого языка тут не осталось. Но здесь-то и заложено главное отличие современной антропоцентрической лингвистики от лингвистики прежних лет. Для нее язык является **средством** к постижению других **объектов**.

Вполне очевидно, что противоположная парадигма должна считать **язык** единственным **объектом** своих исследований, а все остальное только **средством** для его постижения. Такую парадигму следует, на мой взгляд, назвать **глоттоцентрической**. И именно она включает в свой состав и сравнительно-историческое языкознание, и структурализм, и многое другое как направления языкознания, изучающие в первую очередь язык. Высшей формой ее воплощения является, конечно же, структурализм, который считал, что язык, «рассматриваемый в самом себе и для себя», является «единственным и истинным объектом лингвистики» [Соссюр 1977, с. 269].

4. Гипотеза. Итак, изложим некоторые основные тезисы нашей трактовки смены парадигм.

1. Понятие парадигма не может быть отождествлено ни с **научным направлением**, основывающемся на своем представлении о языке и методах его исследования (поэтому не может быть, например, структурной научной парадигмы), ни с **научной методологией**, объединяющей ученых в единую методологическую группу (поэтому не может быть, например, сравнительно-исторической парадигмы), ни с **направлением исследования языка**, настроенным на изучение того или иного аспекта существования языковой системы (поэтому не может быть, например, лингвокультурологической парадигмы, социолингвистической парадигмы и т.д.), ни с какой-либо **научной школой** (поэтому не может быть, например, глоссематической парадигмы, генеративистской парадигмы и т.п.). Парадигма – это предельное научное построение, настроенное на объединение различных направлений, методологических групп, школ по единому гносеологическому признаку. В нашем случае таким признаком может быть только соотношение объекта

и средств исследования. Основываясь на этом тезисе, я выделяю две существовавшие и существующие актуально парадигмы научного поиска в лингвистике:

- **Глоттоцентрическую**, считающую своим единственным объектом язык, а человека, его психику, общественные институты, культуру и т.д. – только средством для познания языка.

- **Антропоцентрическую**, настроенную на изучение человека, его психики, общественных институтов, культуры через посредство языка, который выступает в этом случае только в качестве средства научного поиска.

2. Понятие «парадигма», без сомнения, может иметь хронологические характеристики. Вполне возможно, что можно констатировать на каких-то этапах развития нашей науки смену антропоцентрической парадигмой глоттоцентрической парадигмы. Однако такое утверждение, как мне кажется, будет несколько «притянутым за уши». Мы можем говорить только о постоянной конкуренции указанных парадигм, в которой в разные эпохи отмечались свои победители и побежденные. В любом случае, они на различных этапах своего существования успешно побеждали друг друга, становясь попеременно властителями дум и настроений ученых. Таким образом, в моем понимании парадигмы – это не «эпохи», а «идеологии».

3. Парадигма, как известно, – это класс элементов, имеющих схожие свойства. Иначе говоря, не может быть парадигмы, состоящей из одного компонента. Она как минимум должна быть бинарной. Например, парадигма склонения имени включает как минимум шесть компонентов, парадигма лица глагола – три¹ и т.д. Следовательно, и научная парадигма должна состоять не из одного конституента. Я предполагаю такую внутреннюю стратификацию парадигмы:

- **Научное направление** (лингвистический подход) – объединение ученых, связанных общностью взглядов на статус языка, его природу. Таковы, например, структурализм, биологизм, когнитивизм и т.п.

- **Методологическая группа** (лингвистический метод) – обычно связанное с лингвистическим подходом объединение ученых, использующих одинаковые или схожие методы изучения языка, например, сравнительно-историческое языкознание, структуральное языкознание, психологическое языкознание и т.п.

- **Направление исследования языка** (лингвистическая дисциплина) – объединение ученых либо вокруг одного аспекта изучения языка, например, социолингвистика, лингвокультурология, либо вокруг одного уровня языка, например, лексикология, фонетика и т.п.

¹ Я, конечно же, знаю о различии мнений о количестве и составе конституентов упомянутых парадигм, но здесь я не буду включаться в ненужные для целей этой статьи споры. В качестве оправдания своей научной бездушности я использовал оборот «как минимум», который, как мне кажется, снимает некоторое научное напряжение.

- **Научная школа** – объединение исследователей вокруг лидера (лидеров) (главы / глав школы), сформулировавшего систему актуальных для данной школы научных задач и путей их решения.

Таким образом, каждый ученый может быть «описан» в системе указанных параметров. Например, Б. Трубецкой представляет **Пражскую лингвистическую школу**. Он использовал в своих изысканиях функциональные принципы изучения языка, разработанные данной школой и основанные на базовых **структуральных методах**. Наибольшую известность получил как **фонолог**. Очевидна его принадлежность к **структурализму** как лингвистическому подходу и к **глоттоцентрической** парадигме научного поиска.

5. **Перспективы.** Задача лингвистического науковедения, как мне кажется, как раз и состоит в том, чтобы последовательно описать структуру глоттоцентрической и антропоцентрической парадигм на основе определения формирующих их лингвистических подходов, лингвистических методов, лингвистических дисциплин и научных школ. Но кроме этого, констатируя противопоставленность глоттоцентрической и антропоцентрической парадигм как тезиса и антитезиса, мы можем предположить возможность еще одного парадигматического этапа в развитии языкознания. Он должен иметь явную «синтезную» (в гегелевском значении этого слова) доминанту. Его задачей является объединение указанных парадигм в единую глоттоантропоцентрическую парадигму. Объектом исследования здесь закономерно будет не мир, воплощенный в языке, не язык, отражающий мир, а мир сотворенный языком, человек, сотворенный языком. Именно так трактует соотношение языка и мира моя концепция лингвальной когнитологии [Теркулов 2010].

Впрочем, моей ее можно назвать только с некоторой натяжкой. Как мне кажется, именно так трактовал язык В. фон Гумбольдт. На мой взгляд, мы не совсем правильно понимаем значение утверждения В. фон Гумбольдта: «Своеобразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [Гумбольдт 1984: 370, 377]. Ведь здесь однозначно говорится не о том, что человек формирует свой язык, свою так называемую «языковую картину мира», а о том, что язык создает «сущность нации». Мы привыкли в «антропоцентрической парадигме» утверждать то, что когнитивные механизмы отражаются в языке, но ведь это не так: именно язык включает, создает и шлифует наши когнитивные способности. Можно, уподобляясь Дж Лакоффу, утверждать, что «понятийная система отнюдь не всегда осознается нами. В повседневной деятельности мы чаще всего думаем и действуем более или менее автоматически, в соответствии с определенными схемами. Что представляют собой эти схемы, для нас совсем не очевидно. Один из способов их выявления состоит в обращении к естественному языку. Поскольку естественная языковая общность базируется на той же понятийной системе, которую мы используем в мышлении и деятельности, язык выступает

как важный источник данных о том, что эта система понятий собой представляет» [Лакофф 1990: 387]. Но на самом деле эти схемы являются не чем иным, как навязанными нам языком стереотипами. Мне кажется странным утверждение о том, что сначала возникает ментальная метафора, отождествляющая спор с войной, которая затем воплощается в языке. Возможно, так было в момент создания этой метафоры, хотя мне трудно согласиться и с этим. В любом случае, на первом этапе это была **языковая игра**, попытка найти словесный эквивалент событию. Причем референтная, а не смысловая. Мы попросту некий конкретный спор, ставший событием нашей жизни, отождествили с войной в слове, поскольку этот конкретный спор нами **был трактован в слове как война**. Второе использование данной метафоры уже сформировало концептуальное отождествление **в слове** спора и войны. Последующие ее употребления действительно автоматичны, но эта автоматичность навязана языком. Мы не создаем каждый раз метафору «спор – война», а воспроизводим ее, поскольку она закреплена в языке. Поэтому можно утверждать, что язык, в который первый номинатор выпустил как джина из лампы метафору «спор – война», подхватил ее, сделал фактом сотворенного им мира, заставил себя рефлексировать, формируя домен «спор – война», а затем – навязал нам. Те, кто использует имена войны для обозначения спора, повторяю, не создают эту связь, а только объективируют ее.

Глоттоантропоцентрическая парадигма, следовательно, возвращает лингвистику к языку как к единственному ее объекту, правда, уже проведенному через фильтры когнитивного подхода. Концепт, воплощаясь в языке, создает мир языковых сущностей и, вследствие этого, создает мир социума, что, как мне кажется, подтверждается фразой К.К.М. Клакхона: «Человек видит и слышит только то, к чему его делает чувствительным грамматическая система его языка, то, что она приучила его ждать от восприятия... Человек, выросший в той или иной языковой среде, воспринимает последнюю как часть самой природы вещей, всегда остающихся на уровне фоновых явлений» [Клакхон 1998: 190]. Это является основанием для утверждения о репрезентации в семантической структуре языка двух миров – **онтологического**, референтного, то есть мира внеязыковых сущностей и событий, протоколируемых в языке, и **лингвального**, то есть мира, созданного языком. Другими словами, в моей концепции не язык определяет мышление, а мир, созданный языком, является миром нашего **человеческого** существования. Наше поведение обусловлено законами этого мира, хотя и имеет, в то же время, онтологические рамки. Важно то, что на пересечении этих миров и существует человек как личность, с одной стороны, определяющая формы существования онтологического и лингвального бытия, а с другой, определяемая, формируемая этими мирами. В дальнейших работах мы покажем основные характеристики предполагаемого нами глоттоантропоцентрического подхода к изучению языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; [пер. с нем. Г.В. Рамишвили]. – М. : Прогресс, 1984. – 398 с.
2. Карасик В.И. Эпиномы как смысловые образования / В.И. Карасик // Концептуальные исследования в современной лингвистике : сборник статей / отв. ред. М.В. Пименова. – Санкт-Петербург – Горловка : Издательство ГГПИИЯ, 2010. – С. 45–53.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – СПб. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
4. Клакхон К.К.М. Зеркало для человека : введение в антропологию / Клайд Кей Мейбен Клакхон. – Санкт-Петербург : Евразия, 1998. – 352 с.
5. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века : сб. статей. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 144–238.
6. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : ООО "Изд-во АСТ": ЗАО НПП "Ермак", 2003. – 365 с.
7. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 387–415.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / [глав. ред. В.И. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
9. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика : [учеб. пособие] / В.А. Маслова. – Минск : ТетраСистем, 2004. – 256 с.
10. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2008. – 272 с.
11. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика в современной науке о языке / Попова З.Д., Стернин И.А. // Ментальность и язык : коллективная монография / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово : КемГУ, 2006. – С. 3–15. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 7).
12. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) / В.И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры ; отв. ред. В.Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – С. 25–33.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики ; [пер. с фр. А. . Холодовича] // Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – С. 30–269.
14. Теркулов В.И. Номинатема : опыт определения и описания / В.И. Теркулов / науч. редактор М.В. Пименова. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 228 с.

Вячеслав Иванович Теркулов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета; e-mail: terkulov@rambler.ru